

Алексей ЦВЕТКОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

«Пушкинский фонд» • МСМХСVI

Вроде прозвучало у трав и дерев
некому жизни рассказать умерев
Бездна березы бахчи и бак-газ
с ботанизированной на зорьке в поля
камень расстелил не отвелая
деревом впрямь никому не более

Было в предсердце скудной страны
суп мастерили из стеблей травки
дрожать гетар за сохой отхромали
в лотке глаза плотвицы и щуки
Браво солдатская дружба на марше
песню светила до самой луны

Бриллиант времени крепкий фобосник
леший елен с кисточкой уголовник
серая так сменить лоскутный закон
выпрямил из области педаль произвола
марш нам из вагнера фильм радиоло
сиди да блудни в овсах и снопок

Было из наших в поту ежовик
редкий калкред выходил стуртевик
Зри это за дужкой менше ухада
пропахать в траве пещаря и удога
по ветру трактан хоме свет обогнем
длинной рюбины горят головы

Алексей ЦВЕТКОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Составитель Сергей Гандлевский

«Пушкинский фонд» • МСМХСVI

ББК 84. Р7

Ц 27

Марка издательства работы
Сергея Семенова

На фронтисписе: беловой автограф
стихотворения *А. Цветкова*
«врозь прозябанье у трав и дерев...»

Природа слов тепла не лишена,
В них наши тайны искрами повисли.
Я все отдам за слово «тишина»,
За слово «жизнь» в его прощальном смысле.
В решетку типографского дождя
Заключены мы, пленники Линнея.
Чем прозвенишь, что скажешь, уходя, —
Все выживет, в фонамах камня.
На будущие вечные дела,
Как сноп кистей, олифу и белила,
Пригоршню слов природа мне дала,
Кровоточащей глоткой наделила.
И чтобы свет сознания не мерк,
Чтоб серый холст не проступил в изъяне,
Гори, гори, словесный фейерверк,
Скрывая бред и сумрак обезьяний!
Как откровенны эти кружева,
Подобно полдню над безлистой чашей.
Плетись, Пегас, пока душа жива,
Вперед и вверх по лестнице звучащей.

ЗВЕЗДНАЯ БАЛЛАДА

В провинции, на тайном полустанке,
Где на путях столетняя зола,
Тоска моя, наставница в отставке,
Забывший след овчаркою взяла.
В мирке пропойц и станционных граций,
Банальнейших ландшафтных декораций,
Закованных в немывтое стекло,
Она меня настигла за колонной
И обожгла. И время потекло
Назад и вверх по плоскости наклонной.

Я онемел. И все, что было рядом,
Застыло за магической чертой:
Штиллебен со шрапнельным виноградом,
Скамейка под супружеской четой,
Дежурный в тюбетейке мухоморной,
Саманный храм общественной уборной
С извечными значками на стене.
И только тень растерзанного рая
Сгущала соль в отравленной слюне,
Реальность мира удостоверяя.

Во двор, в новорожденный понедельник
Я вышел наболевшей тишиной,
Где три звезды в забавах рукодельных
Веретено крутили надо мной.
В нагорьях дров потрескивали мыши.
Вокзальный садик над зигзагом крыши
Упругие топорщил зеленыя.
Здесь все дышало, ерзало, пыхтело,
И думало, и жило за меня,
Глухой тоске предоставляя тело.

Товарняки текли по гулким жилам,
Шипел в троллеях грозовой накал,
Покуда я транзитным пассажиром
В ночные тайны нехотя вникал.
Землистый мир пакгаузных коробок
Вдоль полотна негаданно бок о бок
Сожительствовавал с шатким тростником,
Мой сонный мозг загадками опутав,
Абстрактнейшим раздумьем ни о ком,
Без примеси реальных атрибутов.

Чадили окна духотой казармы,
Молочный пруд светился вдалеке.
И я сжимал, как кукольник базарный,
Тугие нити в потном кулаке,
Как фокусник без должности и места.
В обрывках осторожного норд-веста
Консервной жезью лязгала листва.
Бездомный пес мочился под черешней.
И не было на свете естества
Всесильнее меня и безутешней.

Но в миг, когда душа по бездорожью
Переселялась в новое число,
Огромной ночи тушу носорожью
Вдруг хохотом безумным сотрясло.
Он прокатился с триумфальным воем
Над зыбким, неприкаянным покоем,
Где правил сон бездумно и темно,
Над сетью рек и перелесков дачных
И там, вверху, где три звезды коньячных
Крутили надо мной веретено.

Входит ветер, года отмечая,
Контролером в трамвайный салон.
И глоток тепловатого чая
Достоверней меня за столом.
Теплый ветер держу на ладони,
Пробужденному телу не рад.
Тишины естество молодое
Убедительней тысячекрат.
Здесь не место растерянной злости,
Просто был я до времени глух.
Летний воздух торопится в гости
Исповедовать мышцы и кости,
Перекраивать зренья и слух.

Неспроста моя кожа землиста
И рассудок в смертельном пике.
В этом теле душа казуиста
Квартирует на скудном пайке.
Ей полезней пожить самотеком,
Не загадывать жизнь далеко,
И на кухне из чашки с котенком
Выпивать по утрам молоко.
В хлебном поле в канун изобилья
Не нащупаешь торной стези.
У гармонии тяжкие крылья,
Терпеливая поступь кобыля
И копыта в ноябрьской грязи.

Руки вымыты, морды гладки,
Все в кондиции, как скоты.
Ожидание неполадки,
Наступление пустоты.
Я влетел, как ослепший кролик,
В водопаде шампанских брызг,
В этот мир, штормовой до колик,
В этот зимний собачий визг.
Бронтозавры в кустах лещины
Состязаются, дребезжа.
Предвкушение чертовщины,
Состояние миража.
Вперемежку бонтон и косность,
Респектабельные стишки.
Но жгутом пролегает космос
От зубов до прямой кишки.
Некто сумрачный из пеласгов,
Злобовержец с рионских круч.
Вестник времени, как неласков
Шелестящий закатный луч.
Здесь от Яузы до Фонтанки
Я растекся по мостовой.
И трясет меня, как в фанданго,
Каждой клеточкой и фалангой,
Каждой веною мозговой.

Что касается любви — малярия мне знакома.
Относительно весны, эскалаторов метро —
Убедительно прошу: объявите вне закона.
Что-то важное в бегах, что-то лучшее мертво.
Относительно весны — если есть над нами боги,
Я просил бы страшных зим, остроты минувшей боли,
Светопреставленья, что ли, — как ваш май неотразим!

Относительно стихов — эти будут не из лучших,
Не светиться, а зиять, как изнаночные швы.
Всю бы искренность сменял на любви мельчайший лучик.
Поражение за мной, победитель — это вы.
Кто приостановит бред, кто растопит ветер снежный?
Видно, кто-нибудь из вас, доверительный и нежный,
Там, на площади Манежной, здесь — открывши на ночь газ.

Что касается души, относительно болота,
Обращающего в торф сотворенное расти, —
С приземленьем, шер ами, с окончанием полета,
С наступлением весны, с карамелькою в горсти!
Потолкайся меж людей, на вокзале, у парома:
Выбирают перемет в легкую ладью Харона,
Чей-то поезд у перрона, птиц осенний перелет...

•

НЕВСКИЙ ТРИПТИХ

I

Дальше к западу гулкие стены,
Переплеты асфальтовых жил.
Так простимся по-доброму с теми,
Кто в отчизне меча не сложил.
Злобный ветер провыл над Сенатской,
Над сугробами воска-сырца.
Стали ментики — рванью солдатской,
Темным торфом — живые сердца.

Этот бич просвистел не случайно,
Никому не уйти от судьбы.
Вдоль дорог от Невы до Сучана
Черепя украшают столбы.
Провода запевают тугие,
Темный ливень с гранитной скулы.
Над лесами звенят литургии,
До небес полыхают стволы.

Дальше к западу зимнее небо,
Терема из костей возвели.
Я прошел этим городом гнева
От вокзала до края земли.
Я возник из декабрьской метели
С поцелуем судьбы на виске.
И столетние гвозди кряхтели
Подо мной в эшафотной доске.

II

Лунный ливень по выгнутым шеям,
Горький камень под крупом коня.
В этой бронзе и в камне замшелом
Не сыскать нас до судного дня.

Острова неподвижны и хмуры
В пароксизме корыстной тоски.
Мы — глазастое племя, лемуры,
Совестливого студня мазки.

Вьется облако раненой птицей,
На стволах — золотая пыльца.
Я устал от ночных репетиций
Ледящего душу конца.
Самолетик с серебряной ниткой
Пауком над фабричной трубой.
На рассвете у стрелки гранитной
Флегетона свинцовый прибор.

Ночь без шороха, дым без движенья,
Крик без голоса, выстрел ничей,
Как Помпеи в канун изверженья
С пересветом стеклянных очей.
Так смотри же до гибели зренья:
Нежный пепел ложится вокруг,
И мостов разведенные звенья —
Словно взмах остывающих рук.

III

Будь ты Иов собой или Каин —
Это имя сторит между строк.
Человек обращается в камень,
Продлевается городу срок.
Пирамиды в удел знаменитым,
Некрологи в осьмушку листа.
Мы останемся невским гранитом
И чугунным скелетом моста.

Сентября колдовские парады,
С молотка пожелтевший товар.
Ты стоишь у садовой ограды,
По колени уйдя в тротуар.
Жухлый мрамор, сезонная раса,
Литосферы трагический гнет.

Нас оденут в листы плексигласа —
Только осень сильнее дохнет.

Фосфористые иглы бизаней,
Тишины нежилой водоем.
Раствори меня, рай обезьяний,
В неподатливом камне своем.
Над заливом — туман осторожный,
Над Васильевским — свод лиственной.
Уложи меня, мастер дорожный,
В основанье твоей мостовой.

Подходит лето. Шаг его негромок.
В сетях сирени зыбкий аквилон.
Живое сердце рвется из постромок,
Телегу лет толкая под уклон.

В щемящий час, сирени, как вахтерше,
Вручая ключ от радости земной,
Вдруг ощутишь, что нет утраты горше,
Чем перевал, лежащий за спиной.

Прости мне соль, что к памяти налипла —
Второй судьбы вовеки не иметь.
Над всем столетьем вздрагивает хрипло
Зари заката духовая медь.

Быть может все, что в силах удержать я,
Влача в секрете по составам лет, —
Улыбка глаз, тепло рукопожатья
И поцелуя выветренный след.

У лавки табачной и винной
В прозрачном осеннем саду
Ребенок стоит неповинный,
Улыбку держа на виду.
Скажи мне, товарищ ребенок,
Игрушка природных страстей,
Зачем среди тонких рябинок
Стоишь ты с улыбкой своей?
Умен ты, видать, не по росту,
Но все ж, ничего не тая,
Ответь, симпатичный подросток,
Что значит улыбка твоя?

И тихо дитя отвечает:
С признаньем своим не спеши.
Улыбка моя означает
Неразвитость детской души.
Я вырасту жертвой бессонниц,
С прозрачной ледышкой внутри.
Ступай же домой, незнакомец,
И слезы свои оботри.

Я хотел бы писать на латыни,
Чтоб словам умирать молодыми
С немотой в тускуланских глазах
Девятнадцать столетий назад.

На три пяди рассудок распахан,
И березы по краю стеной,
Чтобы ветер в секунду распада
Заворачивал ток временной.

Мы айдово племя и только,
Сотворенному жить не судьба.
Я за тех, кто растет без итога,
Параллельно и против себя.

От юнца до замшелого деда
В бонапарты глядят простаки.
У фортуны известное дело —
Колесо летописной строки.

Оставайся полынью и злаком,
В мире фауны каждый не прав,
И пиши с отрицательным знаком
Языком вымирающих трав.

Рассудок — это слишком резко,
Не обойдешься головой.
В ней много вычурного треска,
Унылой спеси мозговой.

У нас в ходу ланцет и призма,
Но суть разъятая бедна.
Под черным камнем силлогизма
Вся истина погребена.

Быть может, гордая наука
Для лучшей жизни хороша,
Где царство тяжести и звука,
И время длится не спеша.

А в нашем космосе отпетом,
Чей смысл сквозь вещи не пророс,
Ты сам старайся быть ответом
На свой незаданный вопрос.

Когда скворцов опасливая стая
Раскинется над нами чередой,
Материя нездешнего состава
Заговорит в коробке черепной.
С подобным соглядатаем извольте
Крутить мозги малаховской изольде,
Анапестом тетрадку линовать
В ольшанике, где лето на излете
И вскоре снег, и льда не миновать.

Один недуг — бессонница, цинга ли —
Агония сентябрьского тепла,
Когда деревья, дачные цыгане,
Выпрастывают темные тела.
Окончен праздник, птичий и медвежий.
Уходит лето с топких побережий,
Как из ладоней трепетная ртуть.
И человек, как табор переезжий,
Внутри себя прокладывает путь.

На даче снег, вороний скрип холодный —
Нырнуть в постель и отоспаться всласть.
Но человек на зимний лов подледный
Заботливо отлаживает снасть.
Он сам придумал зимнее уженье,
Он видит жизни тайное движенье,
Под коркой льда набухшее зерно.
Он смысл земли, ее изображение,
Творения последнее звено.

КАМЕННАЯ БАЛЛАДА

Пока я по свету брожу, получем
От водки, в железном плену обихода,
Как тысячи лет до меня Полифем,
Пока за околицей спит непогода,
И мы в луна-парках, безумно горды,
Досуг предаем соловьям и гвоздикам,
Планета о камне поет безъязыком
Шершавым размером моренной гряды.

Обрыв, на который еще малышом
Я вышел в наследственном праве потомка,
Уходит во мрак, где торчат нагишом
Поющие скалы из пены потока.
Мы в рай обратили земной майорат,
Но нет нашей воли в кромешных глубинах,
Где долгие мили камней нелюбимых
О каменной жизни впотьмах говорят.

Я верю в упорство древесных корней,
Где высшая ставка на каждую почку.
Но как отыскать среди темных камней
Для бережной жизни надежную почву?
Их мертвый порядок с живым незнаком.
От наших теорий гранит не умнеет,
А смертное горло пропеть не умеет
Мелодию камня своим языком.

Мы женщин целуем у жухлых осин,
Отборной пшеницей поля засеваем,
Мы строим заводы, мы жжем керосин,
И ногти стрижем, и друзей забываем.
Мы пленные овцы, загон на замке,
Не ведаем смысла закатного блика.

Планета дрожит от беззвучного крика,
А мы говорим на своем языке.

В осенних садах опадает листва,
Растут поколения с упорством недужным,
Но смертное тело не знает родства
С плитой диорита, с базальтом наружным.
Беснуется магма в земном позвонке,
Алмазная месса звенит перед Богом,
Поющие камни идут по дорогам —
А мы говорим на своем языке.

Полуживу — полуиграю,
Бумагу перышком мараю,
Вожу неопытной рукой.
Вот это — лес. Вот это — речка.
Двуногий символ человечка.
И ночь. И звезды над рекой.

Дыши, мой маленький уродец,
Бумажных стран первопроходец,
Молись развесистой звезде.
Тиха тропа твоя ночная,
Вода не движется речная
И лес в линованной воде.

Я сам под звездами немею,
Полухочу — полуумею,
Прозрачный, маленький такой,
С тех пор, как неумелый кто-то
Меня на листике блокнота
Изобразил живой рукой.

•

Судьба играет человеком
До смертной сырости на лбу.
Но человек берет из шкафа
Свою красивую трубу.

Она лежит в его ладонях,
Умелой тяжестью легка,
И полыхают над эстрадой
Ее латунные бока.

Как он живет, как он играет
В приемной Страшного Суда!
Он в каждой песне умирает
И выживает навсегда.

Он звездной родиной заброшен
На землю драки ножевой,
Такой потерянный и детский,
Еще живой, еще живой.

•

ПРОЩАНИЕ ГЕКТОРА С АНДРОМАХОЙ

Автор.

*Породу предам человечью,
Несметную силу страны
За космос, пронизанный речью,
Как светом речные стволы.
Чтоб медное сердце знобило,
Сшибая волной голыши,
Чтоб слово мне музыкой было,
А зрение — слухом души.*

Гектор.

Ты не любовь, ты памятник любви.
Припомни, как уверенно жестоки
Чеканные провидческие строки,
Звонящие от Чили до Литвы.
Ты — выдержка из греческих грамматик.
Еще не раз напыщенный романтик
Превознесет оружие врага,
Когда рапсодов бешеная раса
В утробе деревянного пегаса
Возьмет обманом Скейские врата.

К чему слова — они уже канон.
Предайся блуду, псам швырни ребенка!
Уже времен тяжелая гребенка
Над порослью Приамовых колонн.
Есть фабула, и нам не сладить с нею.
Я даже струсить вовремя не смею,
Хоть до кости душа обнажена.
Я буду кровью на прибрежном камне.
Моя царевна, ты уже вдова мне,
С тех пор, как трупую моему жена.

Андромаха.

Я знаю все — но я еще жива.
Я умерла — но я уже другая,
Пока размера мельница тугая
Ворочает над нами жернова.
Мной овладеют недруги — ну что же,
Еще стоит разостланное ложе,
Твоей любви дыхание храня.
Пускай ты предан греческому зверю —
Прощальный миг мне возместит потерю.
Я женщина, я ничему не верю,
Сложи свой щит и поцелуй меня!

ПЛАЧ АНДРОМАХИ

Выпрямлены звездные спирали,
Время перехвачено в пути.
По рисунку солнце собирали —
Главного осколка не найти.
Словно стаю подняли сорочью —
Чернота щербатая крепка.
Что мне делать этой долгой ночью
Без единственного черепка?

В зеркалах нахмурилась обида:
Где же я, лицо мое не то.
Протяни мне душу из Аида —
Я слаба — а ты уже никто.
Или для небесных уложений
Жизнь моя чрезмерно тяжела?
Или семикратный уроженец
Лжет, и я вовеки не жила?

Не вчера ли нам солнце ударило в лица обоим?
(Разве воин твой брат — он не в силах поднять и метлы!)
Не вчера ли тебе я дитя поднесла перед боем?
(Наши стены падут, наши лучшие люди мертвы.)
Я припомнила все, мне доносов Кассандры не надо.
Я царица твоя, Андромаха, твоя Илиада.

Измените освещенье сцены,
Белый в круг, к партеру голубой.
Мы опять взойдем на эти стены
Наблюдать оттуда за тобой.
Кораблей, что в летней луже дафний.
В ожиданье замерли враги.
Выходи, мой завтрашний, мой давний.
Господи, он целится — беги!

Все будет иначе гораздо,
Намеренно вряд ли совру:
За крайней чертою маразма
Поставят иную страну.
Военную спрячут секиру,
Напишут закон без затей,
И добрые матери миру
Родят ясноглазых детей.

Но в жизни по Божьим канонам
Течение времен таково,
Что в этом содружестве новом
Не вспомнят из нас никого.
И здорово кто-то обижен,
Усердствуя в поте лица,
Что память о скудости хижин
Исчезнет в достатке дворца.

Быть может, я жил небогато,
С плодами любви незнаком,
И муза, страшна и рогата,
Ходила за мной с узелком.
Мне было любить не под силу,
В расцвете души молодом,
Холодную тетку Россию
И ветра пожизненный дом.

Но я не духовные гимны —
Военные песни пою.
И строки мои анонимны,
Как воины в смертном бою.
Я вырос в скрещенье потоков,
Где кожа с души сведена.
Я сам, с позволенья потомков,
Срываю с себя ордена.

1

Жжет мои руки чужая жаровня,
 Нет очага моему шалашу.
 Кто ж я такой, что живому не ровня,
 Теплой добычи в гнездо не ношу?
 Войска мне стоила эта победа,
 Словно я ужин проспал до обеда,
 Ловкий орел окрутил Ганимеда —
 Прячься в тени, подневольный гордец.
 Топают по снегу девочка Даша,
 Женщина Крава под ношей ягдташа
 С легким трофеем вечерних сердец.

Зябко мне гостем у зимних жаровен,
 В пламени сердца душа не видна.
 Что мне утечи, что я невиновен,
 В жизни, где совести стоит вина?
 Евнуху поздно идти в моралисты.
 Руки мои холодны и безлисты,
 В сетунской роще январь наголо.
 Женщина девочке пальчики греет,
 Мертвое дерево в воздухе реет,
 В синем снегу — неживое крыло.

Здесь я записан в древесную касту,
 Зимней березой стою, не дыша.
 В сетунской роще по тонкому насту
 Бережной девочкой ходит душа.
 Легкие годы звенят моментальной,
 Кружево снега несется над спальней,
 Катится поезд в глубоком логу.
 Светлая женщина в комнате дальней
 Сердце березы несет к очагу.

2

Под взглядом твоим голубиным
Мне, кажется, только одно
Умение быть нелюбимым
Помимо таланта дано.
Я буду чужим человеком,
Взаимности призрак гоня.
Я сяду писать вадемекум
Для жизни твоей без меня.

Я стану пожизненной тенью,
Забуду свое ремесло
И буду подобен растенью,
Которое в землю вросло.
Живут же без боли каменья,
Глотая простор голубой.
Не надо мне выше уменя,
Чем быть нелюбимым тобой.

Уйду в насекомое царство,
Травой расстелюсь на лугу.
Мне дружба твоя не лекарство,
А большего сметь не могу.
И грустно мне будет порою,
Что в мире, где ты молода,
Я дерево с горькой корою,
Не давшее миру плода.

3

И когда меня Бог Моисея
Подведет к моему рубежу,
Я любви непроросшее семя
У престола Его положу.

Я скажу Ему: «Господи правый!
Хоть и жил я спустя рукава,
Награди меня женщиной Кравой,
Если воля Твоя такова.

Я охотно Тебе растолкую,
Как красива она и добра.
Сотвори мне вторую такую
Из рассекшего сердце ребра!»

Зачем же ласточки старались?
Над чем работали стрижи?
Так быстро в воздухе стирались
Тончайших крыльев чертежи.
Так ясно в воздухе рябило —
И вот попробуй, перечти.
Так моментально это было —
Как будто не было почти.

И мы вот так же для кого-то
Плели в полете кружева.
Но крыльев тонкая работа
Недолго в воздухе жива.
К чему пророческие позы
Над измусоленным листом?
Мы только ласточки без пользы
В ничейном воздухе пустом.

Сотрутся детали рисунка
Побегами рек в январе.
Но сердце, как ценная сука,
Вернется к родной конуре.
Обрушатся кровли в Содоме,
Праща просвистит у щеки,
Но будут возиться в соломе
Любви золотые щенки.
И, выпрямив стебли тугие,
Из смертного крика толпы
Взойдут тростники ностальгии,
Ее соляные столпы.

Отечество, миф о Дедале,
Архангелов тонкий помет.
Но если сотрутся детали —
Кто целому цену поймет?
Навеки без вящего смысла,
Как мухи у липкого рта,
Названий халдейские числа:
Сучан, Колыма, Воркута.
Иштар на вершине пилона
Лицом затмевает луну.
Голодных детей Вавилона
Томят в иудейском плену.

Сотрется росистая балка,
Где плоть привыкала к труду.
Сотрется российская бабка
С клубникой в базарном ряду.
Забудутся клятвы и ссоры,
Измятый трамвайный билет.
Пройдут эшелонами соли
Десятки обманутых лет.

Но пульс не собьется с пунктира,
Покуда стоит Вавилон,
Покуда на стогах Путивля
Иштар раздирает нейлон.

До хрипоты, по самый сумрак,
Пока словам работа есть,
Не просыхай, венозный сурик,
Работай, флюгерная жесьть.

Трудись, душа в утробе красной,
Как упряжной чукотский пес,
Чтоб молот памяти напрасной
Полвека в щепки не разнес.

Хребет под розги без наркоза,
Как Русь на борозду Петра,
Пока любовь — еще не поза
Для искушенного пера.

Незарубцованною кожей
Верней запомнишь, не шутя,
Что человек — найденыш Божий,
А не любимое дитя.

Пока под кожей оловянной
Слова рождаются, шурша,
Работай, флюгер окаянный,
Скрипи, железная душа.

Стеклянный воздух, месяц медный,
Осина горькая узлом, —
Мой край коричневый и бедный,
Парящей осени излом.
Мне нет забвения давно в ней,
Ни тихой радости сыновней —
Авессалом, Авессалом!

Пока домашние в изъяне
Искали веры наповал,
Я в тихом дворике с друзьями
Вино разлуки допивал.
Их разговор был скуп и горек
От наболевшего ума.
И сторожили тихий дворик
Замоскворецкие дома.
Они дышали нам в затылки,
И воздух в каменной бутылке
Дрожал, как злая сулема.

Деревья темные редели,
Мешался камень со стеклом.
Как одиноко мы сидели
За нашим нищенским столом.
Но лайнер в воздухе красивом
Гудел над каменным массивом:
Авессалом, Авессалом!

Под заботливой кожей сгущалась продольная хорда,
В календарном цеху штамповали второе число.
«Эта жизнь — о любви», — объявили у темного входа,
И проревшее тело в меня ежедневно росло.

Непочатая кровь бушевала в младенце капризном,
И когда акушер деловитое слово сказал,
Я приветствовал день неказистым своим организмом,
Как чугуевский житель приветствует Курский вокзал.

Из военных руин поднималась земля трудовая,
От Невы до Балкан часовой проходил по стене.
Что я смыслил тогда, первородство свое отдавая
За пророческий голос в навеки оглохшей стране?

Я ходил в города провозвестником рая лесного —
Как мутило меня в ритуале дворцовых манер,
Как я мстил за себя, как хлестал ненавистное слово —
Аж до крови живой, по утрам выгоняя в манеж.

Этот мир — колесо, только с ободом руки связали.
Эта жизнь — о любви, как в забитом колодце звезда.
Для кого я живу, для кого я кричу на вокзале,
Где на сотнях платформ, обезумев, режут поезда?

Я «фита» в латинском наборе,
Меч Аттилы сквозь ребра лет.
Я трава перекадиморе,
Выпейветер, запрягисвет.
Оберну суставы кожей,
Со зрачков нагар соскребу,
В средиземной ладони Божьей
Сверю с подлинником судьбу.
Память талая переполнит,
И пойдут берега вразнос.
Разве озеро долго помнит
Поцелуи рыб и стрекоз?
Я не Лот спиной к Содому,
Что затылочной костью слеп.
Я трава поверникдому,
Вспомнидруга, преломихлеб.
Но слеза размывает берег,
Я кружу над чужой кормой,
Алеутская птица Беринг,
Позабывшая путь домой.

Надо выскоблить пол добела,
Подоконник в накопленной саже,
Но такая за ним глубина,
Что приблизиться боязно даже.
До небес тишина велика
В городском тупике непогожем,
И темна, как абзац Пильняка
В переводе на датский, положим.

Очевидно, имелось в виду,
Что луна молода и прекрасна,
А земле не поставишь в вину
Протяженность пустого пространства.
И приходится жить наугад,
Как безмозглый Адам на лугах,
С пауком и травинкой в обнимку,
На пространство строча анонимку.

Надо жить, как портновская пляшет игла,
Надо выскоблить мебель и пол добела,
Чтобы не было небу лазейки
Вроде вентиля или розетки,
И болеть голова не могла.

Ситуация А. Человек возвратился с попойки
В свой покинутый дом, на простор незастеленной койки,
Как шахтерская смена спускается в душный забой.
Он подобен корове в канун обязательной дойки,
Но доярка в запое, и что ему делать с собой?
Он прикроет окно, где свинцовые звезды навьлет,
Сигарету зажжет, бельевую веревку намылит
И неловко повиснет, скрипя потолочной скобой.

Ситуация В. Соблюдая отцовский обычай,
Он пройдет до конца по тропе орденов и отличий,
Приумножит почет и пристойный достаток в семье.
Но проснется душа, словно осенью выводок птичий,
И останется плоть остывать на садовой скамье.
Он ложится навек под ковер замерзающих пашен,
Погребальный пиджак орденами богато украшен.
Что он выиграл, бедный, с нетронутой болью в лице?
Ситуация А. Ситуация В. Ситуация С...

Не судите меня, торопливые мальчики детства!
Наши судьбы несхожи, но у Господа в кепке равны.
По кольцу Магеллана бегу, не успев оглядеться,
Чтобы в собственный дом упереться с другой стороны.

Я сорвался в карьер, и трибуны в презрительном вое,
Но с привычного круга не принудишь сойти рысака.
Не судите меня, мы подсудны единственной воле,
Полномочные звезды за нами следят свысока.

Ах, ледовое поле, что ж ты треснуло всей серединой?
Неужели вовеки не свидимся в Божьем аду,
Диоскуры мои, соучастники жизни единой,
Или смерти на всех, от которой и я не уйду?

И кому воссоздать нашей дружбы расколотый слепок,
Как тевтонский витраж из кусков неживого стекла?
Не судите меня, напоите меня напоследок
Эликсиром забвенья, что не сходит у вас со стола.

Но пока не погасли расходящихся льдин очертанья
И обрывки речей различимы в ночной полутьме,
Поклянемся запомнить безжалостный год вычитанья,
Чтобы срок умноженья справедливо назначить в уме.

На четверых нетронутое мыло,
Семейный день в разорванном кругу.
Нас не было. А если что и было —
Четыре грустных тени на снегу.
Там нож упал — и в землю не вонзится.
Там зеркало, в котором отразиться
Всем напряженьем кожи не смогу.

Прильну зрачком к трубе тридцатикратной —
У зрения отторгнуты права.
Где близкие мои? Где дом, где брат мой
И город мой? Где ветер и трава?
Стропила дней подрублены отъездом.
Безумный плотник в воздухе отвесном
Огромные расправил рукава.

Кто в смертный путь мне выгладил сорочку
И проводил медлительным двором?
Нас не было. Мы жили в одиночку.
Не до любви нам было вчетвером.
Ах, зеркало под суриком свекольным,
Безумный плотник с ножиком стекольным,
С рулеткой, с ватерпасом, с топором.

На земле пустая лебеда,
Горизонт раздвоенный приподнят.
Умираешь — тоже не беда,
Под землю известь и вода
Вещество до края переполнят.

Краток век собачий или птичий,
Повсеместно смерть вошла в обычай.
Тех, что в детстве пели надо мной,
На ветвях не видно ни одной.
Кошки нашей юности заветной
Выбыли из жизни незаметной,
Каждая в могилке ледяной.

Больше Горького и Короленки,
Отошедших в землю подо мной,
Для меня значенье канарейки,
Лошади порядок потайной.
Даже дети, целясь из рогатки,
Не дадут нам смысла и разгадки,
Потому что известь и вода
Не заменят птицы никогда.

Речь перевернута. Щупаю дно головой.
С выслугой срока скитается неподалеку
Прежний язык. От печи отлучен горновой,
Кончено. Речь изменила свою подоплеку.

Прежняя речь, атлантический шов поперек.
Так паралитик пройти не силен за калитку.
Но и тогда, чтоб чужую Господь поберег,
Из подземелья души продолжает молитву.

В клепаной бочке меня атлантический ров
Вынес на запад любить материк незнакомый.
Не прозвучит над печалью московских дворов
Птичий язык, человеческий язык насекомый.

В каменном горле багровые фразы дотла.
Треть перегона земля добрала к обороту.
Койку под лестницей мачеха речь отвела.
Прежняя мать по чужим продолжает работу.

В короткую ночь перелетной порой
Я имя твое повторял, как пароль.
Под окнами липа шумела,
И месяц вонзался в нее топором,
Щербатым, как профиль Шопена.
Нам липа шептала, что ночь коротка —
Последняя спичка на дне коробка.

Я имя твое наготове берег,
Как гром тишина грозовая,
Летя по Каретной в табачный ларек,
Авансом такси вызывая.
Пустые звонки вырывались из рук,
Над почтой минуты мигали,
На город снижался невидимый звук,
Мазурку сшивая кругами.
Не я тебе липу сажал под окном,
Дорогу свою не стелил полотном.
Слеза моя, кровь и ключица.
Нам без толку выпало вместе в одном
Раздвоенном мире случиться.

Останется воздух, а дерево — прах.
Пространство спешит на свободу.
Нам выпало жить в сопряженных мирах,
Без разницы звезд над собою.
Я черный Манхэттен измерю пешком,
Где месяц висит над бетонным мешком,
Сигнальная капля живая,
Минуту с минутой, стежок за стежком
Мазурку из мрака сшивая.

Грозный Курбскому — бандероль, а Пушкин — Дельвигу; набухает в ночном котле звездное пшено. Нет прощенья камышу, исповеди дереву. Надо стариться на земле, а начинать смешно. Запускают карусель, отъезд по вызову, словно некому вверху оборвать виток. Нужен гербовый документ со стигийской визою, с белым оттиском звезды в рубрике «итог».

Сталин Рузвельту строчит, зенит почтового сезона. Пой, серебряный рожок, весело в седле! Мчатся по небу часы от Ист-Ривера до Гудзона, трудно времени течь в фиолетовом киселе.

Бьется ветер у бедра,
змей подостлан твердо,
в прошлогодних звездах
тихая река.

Подо мною конь Петра,
бронзовая морда,
и в железный воздух
вправлена рука.

Небо с немочью зубною
Спит в рентгеновском луче.
Ходит смерть моя за мною
С бормашиной на плече.
Боль проложена повсюду,
Не унять ее, паскуду,
Даже током УВЧ.

Ночь у лавочки табачной
Темной болью проливной.
Кроме жизни неудачной,
Нет надежды под луной.
Свет неоновый по коже —
Нынче в жизни непогоже,
В горле горькая вода.
Я друзей моих, похоже,
Не увижу никогда.

Есть у смертного обуза
В виде спелого арбуза
Под картузным козырьком,
С неподвижным языком.
И лицо его бывшее
На живых глядит в поту,
Словно сердце нежилое
Отражается во рту.

Оскудевает времени руда.
Приходит смерть, не нанося вреда.
К машине сводят под руки подругу.
Покойник разодет, как атташе.
Знакомые съезжаются в округу
В надеждах выпить о его душе.

Покойник жил — и нет его уже,
Отгружен в музыкальном багаже.
И каждый пьет, имея убежденье,
Что за столом все возрасты равны,
Как будто смерть — такое учреждение,
Где очередь — с обратной стороны.

Поет гармонь. На стол несут вино.
А между тем все умерли давно,
Сойдясь в застолье от семейных выгод
Под музыку знакомых развозить,
Поскольку жизнь всегда имеет выход,
И это смерть. А ей не возразить.

Возьми гармонь и пой издалека
О том, как жизнь тепла и велика,
О женщине, подаренной другому,
О пыльных мальвах по дороге к дому,
О том, как после стольких лет труда
Приходит смерть. И это не беда.

НА СМЕРТЬ В. НАБΟКОВА

Песня, как ржавый клинок, не идет из ножен.
Без толку, что поединки разрешены.
Наши слова, пока линотип стреножен,
Яблоками висят на ветвях тишины.
Свет на виду, но никак не дойти до места.
Вешенский Сцевола в vareжках из асбеста
В вечном огне поворачивает блины.

Свет перечеркнут швом, как полотно в панораме.
Песня кровоточит на стыке таком.
Марш с котелком за бравыми поварами
Вдоль Волго-Дона за нобелевским пайком!
Полночь отбоя у яблоневого леса,
Краешком света пропархивает ванесса —
Кто-то в строю сачок теребит тайком.

Трещина в грунте, в лафете черная шелка,
Холст ненадежен, сбоят коренник хромой.
Рушится небо в разрыв парашютного шелка
У Золотых Ворот, по пути домой.
Сосны по всей земле истекают латунным соком,
Ночь, как Женевское озеро в камне высоком, —
Перед уходом отпей и лицо омой.

Подняты флаги, запрещены поединки,
Пепел побега выметен из дворца.
Бабочки в ветре, как голубые льдинки,
Медленных яблонь оттаявшие сердца.
В ножны вложен сачок, исчерпано прежнее средство.
Близится схватка миров за вешенское наследство —
Сядь к линотипу и мира проси у Творца!

зачем живешь когда не страшно
как будто вещь или плотва
и до утра в твоём стакане
вода печальная мертвая
душа воды не выбирает
в просвете стиковых осин
но до отметки выгорает
ее кровавый керосин

живущий в страхе неустанном
не может вспомнить об одном
а смерть железным кабестаном
всю жизнь скрипела под окном
и надо бережно бояться
как девочка или лоза
когда над озером двоятся
беды любимые глаза

твой прежний ум безоружен
в сетях великого ловца
но дар судьбы как скромный ужин
еще не съеден до конца
и ты живешь в спокойном страхе
не умирая никогда
пока в осинової рубахе
стоит высокая вода

В тот год была неделя без среды
И уговор, что послезавтра съеду.
Из вторника вели твои следы
В никак не наступающую среду.
Я понимал, что это чепуха,
Похмельный крен в моем рассудке хмуром,
Но прилипающим к стеклу лемуrom
Я говорил с тобой из четверга.
Висела в сердце взорванная мина.
Стояла ночь, как виноватый гость.
Тогда пришли. И малый атлас мира
Повесили на календарный гвоздь.

Я жил, еще дыша и наблюдая,
Мне зеркало шептало: «Не грусти!»
Но жизнь была как рыба молодая
Обглоданная ночью до кости —
В квартире, звездным оловом пропахшей,
Она дрожала хордовой струной.
И я листок твоей среды пропавшей
Подклеил в атлас мира отрывной.
Среда была на полдороге к Минску,
Где тень моя протягивала миску
Из четверга, сквозь полог слюдяной.

В тот год часы прозрачные редели
На западе, где небо зеленой, —
Но это ложь. Среда в твоей неделе
Была всегда. И пятница за ней,
Когда сгорели календарь и карта.
И в пустоте квартиры неземной
Я в руки брал то Гуссерля, то Канта,
И пел с листа. И ты была со мной.

Нелегкое дело писательский труд —
Живешь, уподобленный волку.
С начала сезона, как Кассий и Брут,
На Цезаря дрочишь двустволку.
Полжизни копить оглушительный газ,
Кишку надрывая полетом,
Чтоб Цезарю метче впаять промеж глаз,
Когда он парит над болотом.
А что тебе Цезарь — великое ль зло,
Что в плане латыни ему повезло?

Таланту вредит многодневный простой,
Ржавеет умолкшая лира.
Любимец манежа писатель Толстой
Бульжники мечет в Шекспира.
Зато и затмился и пить перестал —
Спокойнее было Толстому
В немеркнущей славе делить пьедестал
С мадам Харриет Бичер-Стоу.
А много ли было в Шекспире вреда?
Занятные ж пьесы писал иногда.

Пускай в хрестоматиях Цезарь давно,
Читал его каждый заочник.
Но Брут утверждает, что Цезарь — говно,
А Брут — компетентный источник.
В карельском скиту на казенных дровах
Ночует Шекспир с пораженьем в правах.

Меня любила врач-нарколог,
Звала к отбою в кабинет.
И фельдшер, синий от наколок,
Во всем держал со мной совет.
Я был работником таланта
С простой гитарой на ремне.
Моя девятая палата
Души не чаяла во мне.

Хоть был я вовсе не политик,
Меня считали головой
И прогрессивный паралитик,
И параноик бытовой.
И самый дохлый кататоник
Вставал по слову моему,
Когда, присев на подоконник,
Я заводил про Колыму.

Мне странный свет оттуда льется:
Февральский снег на языке,
Провал московского колодца,
Халат, и двери на замке.
Студенты, дворники, крестьяне,
Ребята нашего двора
Приказывали: «Пой, Бояне!» —
И я старался на ура.

Мне сестры спирта наливали
И целовали без стыда.
Моих соседей обмывали
И увозили навсегда.
А звезды осени неблизкой
Летели с облачных подвод
Над той больницей люблинской,
Где я лечился целый год.

Я мечтал подружиться с совой, но увы,
Никогда я на воле не видел совы,
Не сходя с городской карусели.
И хоть память моя оплыла, как свеча,
Я запомнил, что ходики в виде сыча
Над столом моим в детстве висели.

Я пытался мышам навязаться в друзья,
Я к ним в гости, как равный, ходил без ружья,
Но хозяева были в отъезде,
И когда я в ангине лежал, не дыша,
Мне совали в постель надувного мыша
Со свистком в неожиданном месте.

Я ходил в зоопарк посмотреть на зверей,
Застывал истуканом у дачных дверей,
Где сороки в потемках трещали,
Но из летнего леса мне хмурилась вновь
Деревянная жизнь, порошковая кровь,
Бесполезная дружба с вещами.

Отвинчу я усталую голову прочь,
Побросаю колесики в дачную ночь
И свистульку из задницы выну,
Чтоб шептали мне мыши живые слова,
Чтоб военную песню мне пела сова,
Как большому, но глупому сыну.

Сколько лет я дышал взаймы,
На тургайской равнине мерз,
Где столетняя моль зимы
С человека снимает ворс,
Где буксует луна по насту,
А вода разучилась течь,
И в гортань, словно в тюбик пасту,
Загоняют обратно речь?
Заплатил я за все сторицей:
И землей моей, и столицей,
И погостом, где насмерть лечь.
Нынче тщательней время трачу,
Как мужик пожилую клячу.
Одного не возьму я в толк:
У кого занимал я в долг
Этот хлеб с опресневшей солью,
Женщин, траченных снежной молью,
Тишину моего труда,
Этой водки скупые граммы
И погост, на котором ямы
Мне не выроют никогда?

румяным ребенком уснешь в сентябре
над рябью речного простора
луна в канительном висит серебре
над случаем детства простого
сквозная осина в зените света
там птица ночует немая
и мать как молитва стоит у стола
нечаянный сон понимая
и нет тишины навсегда убежать
кончается детство пора уезжать

едва отойдешь в меловые луга
в угоду проснувшейся крови
серебряной тенью настигнет луна
вернуть под плакучие кроны
упрячешь в ладони лицо навсегда
в испуганной коже гусиной
но нежная смерть словно мать навсегда
в глаза поглядит под осиной
венец семизвездный над ночью лица
и детство как лето не знает конца

две недели без перемен
я любил тебя мэри-энн
две недели без лишней крови
по отвесной ступал кайме
как лунатик на скате кровли
с недокрученным сном в уме

в продолжение этих дней
становилась мне все видней
проявляясь как бледный снимок
пропасть яви у самых ног
но пока ты мне резче снилась
я уйти от тебя не мог

ты была словно краткий плен
больше нет тебя мэри-энн
мы впотьмах потеряли связку
заблудились в печном дыму
и до нас написали сказку
про герасима и муму

отверни гидрант и вода тверда
ни умыть лица ни набрать ведра
и насос перегрыз ремни
затупился лом не берет кирка
потому что как смерть вода крепка
хоть совсем ее отмени

все события в ней отразились врозь
хоть рояль на соседа с балкона сбрось
он как новенький невредим
и язык во рту нестерпимо бел
видно пили мы разведенный мел
а теперь его так едим

беспольный звук из воды возник
не проходит воздух в глухой тростник
захлебнулась твоя свирель
прозвенит гранит по краям ведра
но в замерзшем времени нет вреда
для растений звезд и зверей

потому что слеп известковый мозг
потому что мир это горный воск
застывающий без труда
и в колодезном круге верней чем ты
навсегда отразила его черты
эта каменная вода

воспоминаяем о погромах
под исполкомовский указ
в больших петуниях багровых
бывали праздники у нас

мы выходили по тревоге
изображая без вины
кристалл германия в триоде
где дырки быстрые видны

с утра садилась батарейка
сползал родительский пиджак
и мертвый завуч крамаренко
в зубах петунию держал

в оркестре мельница стучала
земля ходила ходуном
другая музыка скучала
в порожном сердце надувном

мы перли в адские ворота
под оглушительный металл
и мертвый завуч как ворона
в зените с песнями летал

в этом риме я не был катонем
и по-прежнему память мила
о заброшенном сквере в котором
приучали к портвейну меня

но когда по стеклу ледяному
проложили маршрут на урал
мне на флейте одну идиому
милицейский сержант наиграл

я пытался на скрипке в октаву
только септимой скреб по струне
как со шведским оркестром в полтаву
гастролировал я по стране

из одной всесоюзной конторы
намекнули в избытке души
не годишься ты парень в катоны
но и в цезари ты не спеша

я простился с невестою олей
корешей от себя оторвал
потому что в период гастролей
не умел удержать интервал

потому что за дальним кордоном
где днепровская плещет вода
преуспел я в искусстве в котором
я катонем не слыл никогда

нет не полюса я покоритель
отменить эту песню пора
я чужого труда повторитель
пристяжной арендатор пера
жилярди у колонн казакова
в нетерпенье покуда стоят
как в сенях запасной казанова
на спортивный стремится снаряд
я орфей под диктовку декана
эвридика моя не диана
соискатели вам доложу
на любом сантиметре дивана
подвергали ее дележу
что бы спел казаков с пьедестала
неживой попугай на жерди
если б кровь его течь перестала
из разорванных жил жилярди

снится мне волги привычный седан
темный колодец шашлычной севан
полночи спасская тема
внуковский вой и салют вдалеке
все что кормило меня в парнике
этого мозга и тела

в оспинах яви текучий фантом
труп на трибуне с багровым бантом
летопись жизни готовой
буквы бастуют и почерк продрог
плыл бы уже как иона-пророк
прочь от икоты китовой

дерево сердца растительный мрак
стереометрия классовых драк
в тесном объеме эпохи
потному сну истечения нет
это телок заблудившихся лет
с плеском роняет лепехи

четкий теленок чумная овца
просто не прожита мной до конца
ночи законная квота
просто отсрочен библейский финал
в бешеном кашле зашелся финвал
выблевать сиясь кого-то

писатель где-нибудь в литве
напишет книгу или две
акын какой-нибудь аджарский
уйдет в медалях на покой
торчать как минин и пожарский
с удобно поднятой рукой
не зря гремит литература
и я созвездием взойду
когда спадет температура
в зеленом бронзовом заду
мелькнет фамилия в приказе
и поведут на якоря
победно яйцами горя
на мельхиоровом пегасе

дерзай непризнанный зоил
хрипи животную крыловской
недолго колокол звонил
чтоб встать на площади кремлевской
еще на звоннице мирской
возьмешь провидческую ноту
еще барбос поднимет ногу
у постамента на тверской

в итоге игровой сечи
в моторе полетели свечи
кончак вылезает из авто
и видит сцену из ватто
плашмя лежат славянороссы
мужиковеды всей тайги
их морды пристальные босы
шеломы словно утюги
повсюду конская окрошка
евреев мелкая мордва
и ярославна из окошка
чуть не заплакала едва

кончак выходит из кареты
с сенатской свитой и семьей
там половецкие кадеты
уже построены свиньей
там богатырь несется в ступе
там кот невидимый один
и древний химик бородин
всех разместил в просторном супе

евреи редкие славяне
я вам племянник всей душой
зачем вы посланы слоями
на этой площади большой
зачем княгиня в кухне плачет
шарманщик музыки не прячет
плеща неловким рукавом
в прощальном супе роковом

что за несвойственные в голову
приходят мысли в ванной голому
когда стоишь двумя ногами
и понимаешь не трудясь
что меж античными богами
таких не видел отродясь
а между тем повыше ярдом
к аплодисментам голодна
известным лириком и бардом
прослыть мечтает голова

живите в дружбе члены тела
как бы золовки и зятя
чтоб вас космическая тема
не занимала в час мытья
не дело преть в презренье кислом
ходите в душ по четным числам
где бойлер голубем галдит
и голова с глубоким смыслом
на ноги голые глядит.

уже и год и город под вопросом
в трех зонах от очаковских громад
где с участковым ухогорлоносом
шумел непродолжительный роман
осенний строй настурций неумелых
районный бор в равнинных филемелах
отечества технический простой
народный пруд в розетках стрелолоста
покорный стон врача специалиста
по ходу операции простой

америка страна реминисценций
воспоминаний спутанный пегас
еще червонца профиль министерский
в распластанной ладони не погас
забвения взбесившийся везувий
где зависаешь звонок и безумен
как на ветру февральская сопля
ах молодость щемящий вкус кварели
и буквы что над городом горели
грозя войне и миру мир суля

торговый ряд с фарцовыми дарами
ночей пятидесятая звезда
на чью беду от кунцева до нары
еще бегут электропоезда
минует жизни талая водичка
под расписанием девушка медичка
внимательное зеркало на лбу
там детский мир прощается не глядя
и за гармонию подгулявший дядя
все лезет вверх по голому столбу

вперед гармонь дави на все бемоли
на празднике татарской кабалы
отбывших срок вывозят из неволи
на память оставляя кандалы
вперед колумбово слепое судно
в туман что обнимает обоюдно
похмелье понедельников и сред
очаковские черные субботы
стакан в парадной статую свободы
и женщину мой участковый свет

какие случаи напрасные везде
недоумения пехотные окопы
и нет у лошади советчика в езде
ни у неясности наставника охоты

бывало паузу в песчаннике проешь
себя же в задницу коленями толкая
но остановишься и некуда промеж
раз по бокам фортификация такая

врубают стерео в моторе ток силен
мослы текинские в старорежимном ворсе
окликнешь кореша из сумерек семен
и ждешь уверенный а он григорий вовсе

совиный выводок молочный коридор
стожары высветили лопасти ушные
что за умора что за камень-конемор
не описать какие случаи смешные

все передвинуто не помнит прошлых мест
под током трещина считает обороты
а тело теплится кромешный камень ест
и жить дрожит и держит ножик обороны

пока переживать созданию не больно
наследным недорослем после дележа
безмолвствует оно и думает невольно
взволнованную речь на привязи держа
в свистящем воздухе пасется мышь слепая
подводный крокодил мелькает на волне
но в центре трех стихий по камешкам ступая
уже не вовсе зверь еще не бог вполне
крутом восторженные ангелы и гады
мигают нимбами и пресмыкнуться рады

помедлит возгордясь на разводном мосту
тюльпан затеплится в петлице вицмундира
где время празднует на пристани мортира
с цветком на лацкане с безмолвием в мозгу
любезный воздух мой и ты моя вода
и гад заоблачных ненужное летанье
невидимых камней подземная война
все передано мне в удел и пропитанье
который на мосту от радости стою
то речь проговорю то музыку спою

так думает оно пересыхая в шепот
а ночь его сестра как неизвестный негр
с подследственных небес свергает звезды в штопор
и магменный язык зовет из древних недр
но существо не замечает эту гостью
и переходит мост постукивая тростью

над нами глумились тираны
мозги с колыбели ебли
а матери наши стирали
и в школу совали рубли

мы были недобрые дети
в подпольном больном мятеже
но глупые матери эти
понять не умели уже

на свадьбах партийных гостили
трезвели в приокском хвоще
при этом усердно костили
каких-то тиранов вообще

мы верим в страдания наши
как в зайца лихие ловцы
не нам ли березовой каши
в штаны подсыпали отцы

давайте рассудим научно
спокойно в траве полежим
нам умные боги нарочно
устроили этот режим

убогие братья тираны
нелепая в липах родня
пудовые наши тетради
с глаголами судного дня

я с детства такие мараю
я рощи свожу на корню
и этой банальной моралью
к соитию музу клоню

невидимую жизнь морскую
писать с натуры не рискую
по всей земле кишит змея
эфир колибриами летаем
один за всех необитаем
живу хоть сопли из меня

несметны вражеские звери
жуков непуганные тьмы
такие медленные змеи
с продолговатыми детьми
и царь природы отцебык
забыт поодаль от собак

вот краски прежнего пейзажа
цветные птицы голодны
больного автора пижама
прибор промозглой головы
сегодня смерть его невеста
змеи родительской лютей
но смерть науке неизвестна
она лишь опиум людей

под родительский кров возвращаются сны прямиком
словно стая коров перешедшая вброд рубикон

перелетные сны переметные дни без числа
в календарных как совесть набросках бумага честна

эта крестная высь эта мазь эта легкая ось
вологодская рысь костромская сова переделкинский лось

под родительским кровом коров моровые гробы
наблюденье земли челобитье у каждой травы

черногубая речь червоточина пули в башке
ледовитая лета и все мое детство вообще

присуждают иксу кандидатскую степень
запускают в науку неловкой совой
в триумфальном желудке немотствует цепень
ежечасные свадьбы справляя с собой
не слышать банкетных гостей голоса
паразиту в желудке икса

одолев снеговые ленгоры
не чета заводской вшивоте
кандидату дорога в членкоры
с неизвестным зверьком в животе
он пожизненный химик союза
победитель идейных химер
и такому иксу не обуза
тихой фауны частный пример
можно в водку ему доливать сулему
но легко околеть самому

даже лучшие силы науки
в похоронные свозят места
чтобы род продлевали навеки
безымянные дети глиста
все одно не про них новодевичий рай
хоть и тоже они умирай

когда дубовь слетается в орду
сплетая небо из ольховых веток
свет голоса слипается во рту
зазубренном и бой в запястьях редок

взойдут глаза и горлом хлынет ночь
очерчивая отчие кочевья
и ворона над хлябью вскинет ной
с тяжелого линейного ковчега

еще вода над адом высока
тресковый ключ китовый зуб и ворвань
но раковин и мокрого песка
на палубу срыгнет серьезный ворон

в подводном поле пепел и покой
там не горела вера и за это
татарским юртам не было завета
и радуги над ними никакой

на шоссе убит опоссум
не вернется он с войны
человек лежит обоссан
в сентрал-парке у воды
второпях портвейну выпил
не подарок он семье
и моча его как вымпел
тонко вьется по земле
спят проспекты и соборы
воры движутся с работы
с толстой книгой и огнем
ходит статуя свободы
грустно думает о нем

сны плывут в своей заботе
как фонарные шары
в сентрал-парке на заборе
сохнут ветхие штаны
вянут юноши в пороке
делят девушки барыш
спит опоссум на дороге
засыпай и ты малыш

когда летишь через атлантику
сродни тунгусской головне
слезоточивому талантику
темно и тошно в голове
кругом беззвездный воздух громок
несут напитки и еду
и скальп тесней чем детский гробик
на осажденном невском льду

так на границе сна и яви
смыкая можно и нельзя
тьень спрашивает это я ли
в лелейском ялике скользя
сошлись голконда и голгофа
в земле загробного житья
и первое лицо глагола
употребить не может я

звонит железная цикада
прошив пространство галуном
как бы из тютчева цитата
грохочет в небе голубом
теперь одно у тени средство
развеять сумерки челу
вернуть земле ее наследство
и не учиться ничему

госсекретарь в миру сенатор маски
моей экс-родине не строит глазки
я сам хоть мне и маски не указ
любовью к ней немного поугас .

а помнишь днепрогэс реки великой
угодя анилиновой ботвы
воскресники в сраженьях с повиликой
и девочек учебные банты
субсветового миг-а харакири
фаллические тополя в дыму
где лабухи шопена хоронили
жмуров дворовых жертвуя ему

отпало жизни первое звено
лишь в фэбээр в досье занесено

за все тебе курносая отвечу
пой жизнь мою соловушка с листа
но выраженье похода отмечу
необщее на карточке лица
госсекретарь командует погодой
берет генсек натуру в шенкеля
мать музыка пиздует за подводой
в трубе как тромб шопена шевеля

декабрьское хмурится в тучах число
дворы воровато безглазы
дорогу домой до бровей занесло
закладывать тройку без мазы
откупорим сдуру бутылку вина
в печи пошуруем железкой
но с подлинным ночь с оборота верна
хоть зеркало к фене растрескай

такие на ум парадоксы придут
с мадеры в декабрьском бреду нам
что будто и дом наш и этот приют
тургеновым кем-то придуман
что даже в устройстве природы самой
знакомое видим перо мы
и нет под снегами дороги домой
в твердыню полярной плеромы

подросшее рябью морщин убирая лицо
в озерном проеме с уроном любительской стрижки
таким я вернусь в незапамятный свет фотовспышки
где набело пелось и жить выходило легко

в прибрежном саду георгины как совы темны
охотничья ночь на бегу припадает к фонтану
за кадром колдунья кукушка пытается фортуны
и медленный магний в окне унибромной тюрьмы

оставшую жизнь безуспешно вдали обождем
в стволе объектива в обнимку с забытой наташкой
в упор в георгинах под залпами оптики тяжелой
и магнием мощным в лицо навсегда обожжен

и буду покуда на гребень забвенья взойду
следить слабосердый в слепящую прорезь картона
где ночь в георгазмах кукушка сельпо и контора
давалка наташка и молодость в божьем саду

заглянем в решенье ландшафта
ольховых плетений и лоз
где спрятана скажем лошадка
везущая хворосту воз

там витязь двуручной стамеской
разносит в щепу ворота
светила науки совместной
жидовского жучат кот

страна трепака и жар-птички
стахановский суслик степной
парадов чумацкие брички
яга под кремлевской стеной

однажды в созвездье твереза
в снегу по слепые сердца
петра непечатная греза
европы меньшая сестра

жена зелена и упруга
кукушкой ревут времена
и жалко лошадку как друга
за то что в лесу умерла

.

натянешь на старости дней
носки поплотней и пижаму
и шепчешь скорее стемней
прилипшему к векам пейзажу

мгновенно припомнишь дотла
квартиру с ее обстановкой
где светка впервые дала
урок анатомии ловкой

петренко на кухне сидел
орудуя тщательным гребнем
и было как в бочке сельдей
людей в этом городе древнем

затем от заречных лачуг
где нож в обиходе нередко
с вином приезжал ровенчук
а светку работал петренко

в тот год в кинозале прибой
гремел гэдээровский вестерн
чтоб города житель прямой
смотрел его с женами вместе

соседка одна умерла
холерная крепла зараза
но жив еще был у меня
отец подполковник запаса

сколько мне лет спрашивал старших
они отвечали четыре с половиной
примерял этот возраст как дивное платье
сравнивать было не с чем

весной воробьи под карнизом веранды
мастерили неказистые гнезда
был долго и привычно болен
годами не поднимался с койки
узнавал устройство растений
из прутьев роняемых воробьями

к лету перевезли в павильон
с перил свисали ягоды паслена
на горизонте вертикально стояло море
крутили китайское кино смелая разведка
тайная зависть к этим героям гор

узнавал из кино устройство смерти
серая и длинная вроде крысы
приходилось бояться темноты
четыре с половиной уже не доставало
хотелось быть всегда

в отрочестве тянуло взглянуть на покойника
тихого желтого с бумажной лентой на лбу
промчаться опретью через двор туда
где возносит его медный вал музыки
у нас в семье никогда не умирали
некого было любить этой торжественной любовью

когда же открылось что и мы цветковы смертны
лишь издали я сострадал взаимному горю
звонили из детройта передавали по буквам
телеграмму о скоропостижном уходе
музыка медно пела без меня

один из виденных навсегда запал в память
с черными головнями ступней на клеенке
безымянный узник старческой гангрены
а отец в своей новой дюралевой лодке
обоженный первым апрельским солнцем
горбится над упрямым мотором
в безветренном дрейфе времени

в парке дубовая роща
очередь точно струна
на обнищание ропща
брали по кружке с утра
прочь из отцовского плена
вынесла нас навсегда
кружек ажурная пена
ржавая жертва сельдя

в сумерки вновь на природу
нас поневоле вело
выучил шурик приему
пить в винтовую вино
игорь читал из бодлера
голосом гневно дрожа
завистью печень болела
жизнь оставалась должна
логач желтея от жажды
долгие дни голодал
мы с ним в зарнице однажды
пропили мой гонорар

в высшей судебной палате
участью горше щенка
логач предъявит к оплате
общие наши счета
там на посмертной странице
спишет любые долги
жажда которой в зарнице
мы утолить не могли

быть учителем химии где-то в ялуторовске
каждый день садясь к жухлой глазунье
видеть прежнюю жену с циферблатом лица
нерушимо верить в амфотерность железа
в журнал здоровье в заповеди районо

реже задумываться над загадкой жизни
шамкая и шелестя страницами
внушать питомцам инцеста и авитаминоза
правила замещения водородного катиона
считать что зюева засиделась в завучах
и что электрон неисчерпаем как и атом

в августе по пути с методического совещания
замечать как осели стены поднялись липы
как выцвел и съежился двумерный мир
в ялуторовске или даже в тобольске
где давно на ущербе скудный серп солнца

умереть судорожно поджав колени
под звон жены под ее скрипучий вздох
предстать перед первым законом термодинамики

еще вовсю живешь и куришь
наносишь времени визит
но в головах дамоклов кукиш
для пущей вечности висит

в такой мгновенный промежуток
строка в контракте не видна
что речь дается кроме шуток
как женщина или война

скоту пристало рвать постромки
стремглав на зимней мостовой
отринув инструмент постройки
миров из пены мозговой

вот только вынесут одеться
дойдет на каменном ветру
и смертный всхлип и крик младенца
стенографируют вверху

квадратный двор бидон хирсы на вынос
в стекле пустырь стерильной наготы
взошел себе и рос как вредный вирус
с газонов обгрызая ногти
еще судьба сложилась всех добрее
кто сел за кражу кто за домино
был друг один в очках и себорее
но за хирсу я взялся до него
все про паскаля заводил с одной
потом блевал в смородине со мной

он выдохся а я набрел на выход
счастливый зубр у славы на лугах
лауреатом почестей и выгод
по жеребьевке избран наугад
из сумерек под неудобным грузом
годами продирается ко мне
в полуцивильном кительке кургузом
с прощальным взглядом в роковой кайме

уже непроходима простыня
прозрачного как время пустыря

в ноябрьский озноб с козырька мавзолея
совместные луны горят мозоля
подножье кишит небольшими людьми
идет сизигия гражданской любви

чуть схватит чуть станет в бессмертии грустно
привычные ставни в былое толкни
огромного мяса орущее русло
с утробным гранитом по кромке толпы

крепки в голове духовые ансамбли
медальных не тлеет кольчуг шевиот
доныне в тромбозных ступнях не ослабли
вживленные лезвия маршевых нот

мичуринский убран в желудки картофель
пророческий реет над шествием профиль
пиджачная пара с воздетой рукой
и нужды в бессмертии нет никакой

в полдневную темень на страшном ветру
потухшее тело чернело вверху
но те что расправу вершили
еще разойтись не спешили

один милосердно ускорить финал
меж ребер копьё на полпяди вогнал
по личной какой-то причине
приход облегчая кончине

с душой эта плоть расквиталась давно
но жалу копьё поддалась все равно
кровавую выплеснув воду
на шлемы латинскому взводу

поодаль безгласные стиснув уста
ждал отрок которому прямо с креста
он мать поручал умирая
и петр и мария вторая

от стен где вчера он учил невредим
состав омовенья принес никодим
в льняную укутали робу
и стражей приставили к гробу

уже овчары поднимали жезлы
пасхальную снедь собирали в узлы
и ангел его благовестный
на склон поднимался окрестный

но думалось в горестной спешке петру
что незачем в храм приходить поутру
что время готовиться к тратам
вернуться на промысел с братом

еще не гасила мария огня
вперясь в непроглядную стену
еще в обещание третьего дня
не верилось крестному тлену

от крайней северной до восточной оконечности
расстояние порядка семи световых рублей
страной правит хор имени пятницкого
обширные уголья засеваются озимой воблой
довольно места культурно отдохнуть

сведения из оккультной географии
рудиментарны и недостоверны
из нравов помню манеру обитателей
пережегать беседу восклицанием бя
это фантом увядающего ума
область куда я беззащитно засыпаю

когда межевали свет и тьму
осталась полоса сверхсметных сумерек
лесостепное кочевое волчье
временами бредится мы оттуда родом

миновало большеглазое время веры
в буку в кинокефала и строфокамила
нынче наука по всему фронту
все бя выдумки происки обскурантов
моя родина геометрия

гитару напрягал ровесникам-ребятам
слюны пословицу вколачивал в припев
тщась память выгадать в потомстве и ревмя там
век вечереющий в поту хрипел

все статую себе мерещил из металла
как у бульварного стояльца-рогача
речь скрипочка сверчка гомерова гитара
забыться князем славу рокоча

нет лучше как в саду меж бабами морскими
жить вдребезги что твой татарский гость садко
но бронхами ли хвор перенапряг мозги ли
вслась начато да вытянуть слабо

бобров затруханный за тщетною конторкой
зайдется чайником аж классикам беда
с кого-то спросится что жизнь была короткой
и для чего она вообще была

родиться набело в краю свинца и ситца
в древесных пальцах нить осенняя тонка
гитару в сторону давай друг другу снится
а жить само сумеется тогда

изгнанник букваря твой сладкий ад женева
секунды шелестят как мятное драже
и памятник тебе из братского железа
в подземном силосе настоroje

сарафан на девке вышит
мужики сдают рубли
пушкин в ссылке пьет и пишет
все что чувствует внутри

из кухонного горнила
не заморское суфле
родионовна арина
щей несет ему в судке

вот слетает точно кречет
на добычу певчий бард
щи заведомые мечет
меж курчавых бакенбард

знает бдительная няня
пунш у пушкина в чести
причитает саня саня
стаканищем не части

век у пушкина с ариной
при закуске и еде
длится спор славян старинный
четверть выпить или две

девка чаю схлопотала
мужики пахать ушли
глупой девке сарафана
не сносить теперь увы

с этой девкой с пуншем в чаше
с бенкендорфом во вражде
пушкин будущее наше
наше все что есть вообще

когда вечерами в семейном кругу
восстав на полвека из бездны
я свет зажигаю и трубку курю
мне мысли мои неизвестны

в ночной духоте протоплазме на страх
железные рыщут приборы
а я в моей майке и чистых носках
напрасен устройству природы

метнешься к аптечке хватить порошка
наотмашь зубилом и дрелью
жена и собака твоя подошла
сестра по линнееву древу

когда я бумагу пятнаю рукой
как землю остатки сезонов
из умственных недр возникает другой
неведомый житель семенов

железо и смерть на парсек упредит
жена пожила и привыкла
так помнишь прилаживал речь фукидид
к налимьей гортани перикла

в ложбине станция куда сносить мешки
всей осени макет дрожит в жару твердеа
двоюродных кровей проклятия смешны
не дядя-де отнюдь тебе я

в промозглом тамбуре пристройся и доспи
на совесть выстроили вечности предбанник
что ж дядю видимо резон убрать с доски
пржевальский зубр ему племянник

ты царь живи один правительство ругай
ажурный дождь маршрут заштриховал окрестный
одна судьба сургут другая смерть тургай
в вермонте справим день воскресный

я знаю озеро лазурный глаз земли
нимроды на заре натягивают луки
но за полночь в траве прибрежные зверьки
снуют как небольшие люди

нет весь я не умру душа моя слегка
над трупом воспарит верни ее а ну-ка
из жил же и костей вермонтского зверька
провозгласит себе наука

се дяде гордому вся спесь его не впрок
нас уберут равно левкоем и гвоздикой
и будем мы олень и вепрь и ныне дикий
медведь и друг степей сурок

куранты в зените ковали века
река соблюдала блокаду
ходил на гитарные курсы в дэка
затем подучился вокалу
с трибун присягали твердили в трубу
напрячься и времени больше не бу

досуги и дни пропадают в дыму
куранты лютуют далече
в хрустальном пейзаже проело дыру
жуков перелетное вече
раздолье зенита реки ширина
проснешься и времени больше не на

нас в кадре росы ненароком свело
биенье немецкой пружинки
из туч левенгук наставляет стекло
на тщетные наши ужимки
в теснине проспекта удобно видна
оставшихся дней небольшая длина

так близок лес так сон перед рассветом
из мира птиц очами посвети
усердьем риз и крюковым распевом
ольховый бог устроен посреди

здесь летой лес сплавляют без убытка
в ботве улитка липкая слепа
правь бог травы твой кроткий век улыбка
когда нас всех уже смахнут с листка

так канет бук уже ростки ранимы
страх жизни вхож в зеленое нутро
так лес велик так робок бог рябины
он дым едва а больше бог никто

нам нежен дым но нет простоя страху
правь звездосплав от северной страды
пока в лесу весь род пернатый сразу
кладет на музыку его стволы

приходится что поступаю зря
что без толку внутри организован
и в постепенном приступе тщедушья
то щучью воду нежно именую
то мышь деньгами выдать попрошу

я карамзин эпохи кайнозоя
мне совести известен рудимент
две добрых феи свинка и ветрянка
вертели веретенышко надзора
наотмашь мышь и ласточку-певунью
в паштет определили в октябре

и вот я вновь устроен к вам в ужовник
отпущенник твердынь императива
в вирджинии где бенжамен констан
предусмотрел нам дерево свиданий
там тикает предательская птица
с храповиком в рубиновом очке

но ласточка из ссылки возвратится
как ленин в ежедневном пиджачке

невозможно теперь очутиться
в стороне где ребенком подрост
и зевесова умная птица
диссиденту врачует цирроз
а уж май нажимает волшебник
то вообще получает лапшевник

жить да по свету рысью сердито
прочь от варежек их от ворон
где со срубов не сходит селитра
и не молкнет мужской моцион
преуспеть в картузе и тужурке
сам буржуй и женат на буржуйке

свозят опрометь хану в хоромы
раз от мысли все мышцы сильны
в клеверах мужики-жукоборы
на жида выставляют силки
всенародный над ними борщевник
дверь не скрипнет не вспыхнет вообще в них

вместо в харькове или одессе
в час науки и муз торжества
хорошо оказаться в отъезде
чтоб не сделал привод старшина

мы стихи возвели через силу
как рабы адриановы рим
чтоб грядущему грубому сыну
обходиться умелось без рифм
мозг насквозь пропряла ариадна
били скифа до спазма в ружье
чтоб наследным рабам адриана
развиваться без рима уже
кругозор населения уже
и не каждая баба при муже
но бесспорный аларих орел
он штаны нам носить изобрел

в наши годы бои не стихали
но в невинной мечте доползти
мы полки поднимали стихами
в кровь сбивая шрифты до кости
звезды в реках текли недвижимы
степь текла под копыта коней
и враждебные наши режимы
доживали в обнимку на ней
ночь была без имён и названий
мы следили за ней из развалин
отличать не по рангу смелы
римский меч от парфянской стрелы

протяни онемевшему небу
тишины неуместную весть
святой боже которого нету
страшный вечный которого есть
одеи моисеевой кашей
загляни в неживые глаза
пуст ковчег зоологии нашей
начинать тебе отче с аза

на постройку ассирий и греций
в хороводе других парамеций
возводить карфаген и шумер
вот такие стихи например

СОДЕРЖАНИЕ

«Природа слов тепла не лишена...»	5
Звездная баллада	6
«Входит ветер, года отмечая...»	8
«Руки вымыты, морды гладки...»	9
«Что касается любви — малярия мне знакома...»	10
Невский триптих	11
«Подходит лето. Шаг его негромок...»	14
«У лавки табачной и винной...»	15
«Я хотел бы писать на латыни...»	16
«Рассудок — это слишком резко...»	17
«Когда скворцов опасливая стая...»	18
Каменная баллада	19
«Полуживу — полуиграю...»	21
«Судьба играет человеком...»	22
Прощание Гектора с Андромахой	23
Плач Андромахи	25
«Все будет иначе гораздо...»	26
448-22-82	27
«Зачем же ласточки старались...»	30
«Сотрутся детали рисунка...»	31
«До хрипоты, по самый сумрак...»	33
«Стекланный воздух, месяц медный...»	34
«Под заботливой кожей сгущалась продольная хорда...»	35
«Я «фита» в латинском наборе...»	36
«Надо выскоблить пол добела...»	37
«Ситуация А. Человек возвратился с попойки...»	38
«Не судите меня, торопливые мальчишки детства...»	39
«На четверых нетронутое мыло...»	40
«На земле пустая лебеда...»	41
«Речь перевернута. Щупаю дно головой...»	42
«В короткую ночь перелетной порой...»	43
«Грозный Курбскому — бандероль, а Пушкин — Дельвигу...»	44
«Небо с немочью зубною...»	45
«Оскудевает времени руда...»	46

На смерть В. Набокова	47
«зачем живешь когда не страшно...»	48
«В тот год была неделя без среды...»	49
«Нелегкое дело писательский труд...»	50
«Меня любила врач-нарколог...»	51
«Я мечтал подружиться с совой, но увы...»	52
«Сколько лет я дышал взаймы...»	53
«румяным ребенком уснешь в сентябре...»	54
«две недели без перемен...»	55
«отверни гидрант и вода тверда...»	56
«воспоминаям о погромах...»	57
«в этом риме я не был катон...»	58
«нет не полюса я покоритель...»	59
«снится мне волги привычный седан...»	60
«писатель где-нибудь в литве...»	61
«в итоге игоревой сечи...»	62
«что за несвойственные в голову...»	63
«уже и год и город под вопросом...»	64
«какие случаи напрасные везде...»	66
«пока переживать созданию не больно...»	67
«над нами глумились тираны...»	68
«невидимую жизнь морскую...»	69
«под родительский кров возвращаются сны пряником...»	70
«присуждают иксу кандидатскую степень...»	71
«когда любовь слетается в орду...»	72
«на шоссе убит опоссум...»	73
«когда летишь через атлантику...»	74
«госсекретарь в миру сенатор маски...»	75
«декабрьское хмурится в тучах число...»	76
«подросшее рябью морщин убирая лицо...»	77
«заглянем в решенье ландшафта...»	78
«натянешь на старости дней...»	79
«сколько мне лет спрашивал старших...»	80
«в отрочестве тянуло взглянуть на покойника...»	81
«в парке дубовая роща...»	82
«быть учителем химии где-то в ялutorовске...»	83
«еще всю живешь и куришь...»	84
«квадратный двор бидон хирсы на вынос...»	85
«в ноябрьский озноб с козырька мавзолея...»	86

«в полдневную темень на страшном ветру...»	87
«от крайней северной до восточной оконечности...»	89
«гитару напрягал ровесникам-ребятам...»	90
«сарафан на девке вышит...»	91
«когда вечерами в семейном кругу...»	92
«в ложбине станция куда сносить мешки...»	93
«куранты в зените ковали века...»	94
«так близок лес так сон перед рассветом...»	95
«приходится что поступаю зря...»	96
«невозможно теперь очутиться...»	97
«мы стихи возвели через силу...»	98

В поэтической серии «Автограф», издаваемой «Пушкинским фондом», вышли следующие сборники:

1. Б. Ахмадулина. **Ларец и ключ**
2. В. Салимон. **Невеселое солнце**
3. И. Лиснянская. **После всего**
4. Ю. Кублановский. **Памяти Петрограда**
5. И. Бродский. **В окрестностях Атлантиды**
6. Н. Кононов. **Лепет**
7. А. Пурин. **Евразия и другие стихотворения**
8. Е. Шварц. **Песня птицы на дне морском**
9. С. Гандлевский. **Праздник**
10. В. Гандельсман. **Там на Неве дом...**
11. В. Дроздов. **Стихотворения**
12. Л. Лосев. **Новые сведения о Карле и Кларе**
13. А. Цветков. **Стихотворения**

Все книги серии тиражом до 1000 экземпляров.

Для приобретения указанных сборников обращайтесь
в издательство по адресу:
191028, СПб., Моховая ул., 20, помещение журнала «Звезда».
Информация по телефону: (812) 273–37–24

Ц 27

Цветков А.

Стихотворения. — СПб.: Пушкинский фонд, 1996,— 104 с.

ISBN 5—85767—095—0

ББК 84. Р7

Цветков Алексей

Стихотворения

«Пушкинский фонд», Санкт-Петербург, 1996

Редактор *Г. Ф. Комаров*

ЛР № 030 448 от 10 ноября 1992 года

Издательство «Пушкинский фонд»

191186, Санкт-Петербург, Набережная р. Мойки, 12

Формат 60x84/16, усл. п. л. 6,11

Тираж 1000, зак. 340

**Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ИПТ
199004, Санкт-Петербург, 5 линия, 28**

